

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МИХАИЛ ДРЕБЕЗГОВ

ПЕПЕЛ УМЕРШИХ ЗВЕЗД

РОМАН

Москва, 2018
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д73

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1119

Художник
В. Федоров

Дребезгов М.

Д73 Пепел умерших звезд: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 412 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2687-4

Мир, где магия и техника всегда развивались бок о бок. Кибернетика гномов здесь соседствует с биотехнологиями йаэрна, колдовские жезлы и заклятие духов — с силовыми полями и машинами для контроля физических констант. Межзвездные империи постоянно изобретают что-то новое. Галактика полна чудес, и жизни не хватит, чтобы узреть их все.

Но не всякое чудо во благо. Наркотик, усиливающий телепатические способности. Прибор, способный гасить звезды. Секта, дела которой выходят за рамки понимания ученых и теургов... Хрупкое равновесие держится лишь на хитросплетениях дипломатических договоренностей и политических интриг, и когда в дело вступает новый, неизвестный игрок, все приходит в движение. Кто-то задался целью изменить мир — но сумеет ли он сам справиться с лавиной, которую вызвал?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Михаил Дребезгов, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2687-4

Три драгоценности вечных на длани моей,
И слаще нет в мире сокровищ — от края до края.
Стоят они выше живущих и выше теней,
И всех изумляют красою своею, играя.
Сокровище первое — Жизнь, бесконечный поток,
Что все омывает своим неумолчным теченьем.
Вкушать эту влагу недолгий остался мне срок,
Второго сокровища вскоре почую влечение.
Второй, словно черный карбункул, на длани лежит
Владычица Смерть, неподвижна и неумолима.
Пускай воспевает бессмертие юный пиит —
В конце из нас всякий истает, как облако дыма.
Но третье, последнее, диво чудеснее всех!
Всегда поражаюсь я Власти, жемчужине алой.
Превыше и Жизни, и Смерти воздвигнув успех,
Глупцы к нему вечно стремятся тропею кровавой.

Шэнь-цзун, основатель империи Костуар

ПРОЛОГ

Из дневника Нифонта Шриваставы

«Если идея множественности миров верна, то среди бесчисленных ветвей истории наша реальность является скорее исключением, нежели нормой. Техника и магия — противоположные полюса познания, отвергающие друг друга. То, что здесь им удалось не просто ужиться вместе, но достичь высоких ступеней развития и даже тесно переплестись, представляется лишь гримасой судьбы, одним из наименее вероятных стечений обстоятельств.

Чисто технические цивилизации, отличным примером которых являются гномы, ищут путь в открытый космос. Для этого им приходится открывать реактивное движение, метамагнетизм, эффект перенастройки и множество других средств, невозможных без очень хороших представлений о физике. Чародеям чужда дорога к звездам — они стремятся в совершенно иные миры, доступные интуитивно, и судьба народа йаэрна иллюстрирует это столь же ярко. Необходимо отметить, что последними давно утрачено таинство межмирового перехода — является ли это платой за проживание в нашем краю, не расставшемся с идеей развития математических наук и сложной машинерии?

Полагаю, в тот день, когда мы сумеем посетить соседние ветви истории, перед нами предстанут царства кремния и пла-

стика, где магия стала лишь красивой легендой, и колдовские империи, в которых технологический прогресс не вышел за пределы кузницы. Наша же родина, балансирующая между этими полюсами, будет для них дикой и, пожалуй, даже безвкусной выдумкой... Так ли они не правы? Или же истина принадлежит тем, кто с безумной ухмылкой стоит на перекрестке, объединяя несовместимое и добиваясь удивительных результатов?»

Космический отель «Перекресток»

Девятое ноября 2278 года по земному летосчислению

Вдумчиво дожевывая салат, баггейн Эльринн размышлял об очередной неудаче.

Наводка, до того казавшаяся весьма перспективной, на поверку обернулась пшиком. «Перекресток», претенциозный космический отель на орбите Фомальгаута, принимавший гостей со всех уголков Галактики, обладал всеми мыслимыми достоинствами, кроме одного — здесь не было никаких зацепок, способных вывести на загадочных производителей кейх'арта. Полторы недели расследований и поисков, за которые баггейн сменил две дюжины лиц, позволили установить это совершенно точно.

Происхождение главного наркотика современности, за пару десятилетий наводнившего черный рынок, до сих пор оставалось тайной. Молва приписывала его создание народу йаэрна, но доказательств этому не было никаких. В конце концов, обыватели приписывали «проклятушим эльфам» и все остальные грехи без исключения — начиная с того, что они похищают невинных младенцев и пьют их кровь за завтраком. Эльринн знал, что это совершеннейшая ложь — человеческая кровь вредна эльфийскому организму. Новорожденным детям, купленным через подпольные каналы, можно найти гораздо более разумное применение.

На этой мысли он оторвался от салата и бросил несколько косых взглядов по сторонам — проверить, не появился ли за это время в ресторане какой-нибудь йаэрна. Не обнаружив таковых, баггейн успокоился и вернулся к своей тарелке. Он не любил своих творцов.

На первый взгляд Эльринн мало походил на порождение эльфийской генной инженерии — обычный человек, рыжий и зеленоглазый, в неброской одежде. Но наметанный глаз сразу заметил бы и лошадиные уши, и причудливой формы копыта — отличительные черты, не дающие перевертышу просто

так затеряться в толпе. Йаэрна не доверяют шпионам, способным принять любой облик, даже если те физически не могут послушаться хозяев, — и оставляют метки, по которым можно вычислить самого искусного метаморфа.

Йаэрна вообще никому не доверяют. Эльринн рассеянно потерял висящий на шее бронзовый медальон с изображением виноградных листьев — знак вечного освобождения от рабства. Редкая награда — баггейну она досталась за безупречную службу на войне и была сполна оплачена потом и кровью. Господа Кьярнада не любят отпускать на волю своих рабов — более того, они вообще предпочитают, чтобы те не подозревали о значении слова «воля». Требуется уникальное сочетание строптивости и покорности, чтобы пройти по тонкому лезвию и добиться свободы, а не утилизации. Такое за всю историю эльфийской империи удалось лишь нескольким сотням гомункулусов.

Покончив с салатом, перевертыш пробежал пальцами по сенсорам стола, вызывая голографическое меню — секцию с напитками. Список оказался предсказуемо длинным — в ресторане отеля, рассчитанного на *любых* гостей, учитывали пожелания самой взыскательной клиентуры, принимая во внимание психологию, культуру и физиологию всех известных обитателей Галактики. В этом меню нашлись бы пункты, способные удивить самого искусного гурмана — и шокировать наиболее стойких приверженцев экстрима.

Впрочем, забираться так далеко Эльринн не рискнул — хорошо знал, как такие потрясения могут сказаться на его рассудке. Немного поразмыслил, не заказать ли пива, пришел к выводу, что ясная голова все-таки важнее, и ограничился зеленым чаем.

Официант возник у столика мгновенно, словно выскочив из-под земли, — перевертыш до сих пор не понимал, как же здешним служащим это удастся. Улыбаясь так широко, как не сумел бы ни один представитель человеческого рода, гoblin поставил на стол пиалу с чаем и столь же молниеносно испарился.

Эльринну всегда импонировали гoblinы — невысокие, всего полтора метра ростом, худощавые гуманоиды с темно-коричневой кожей, начисто лишенной волос. Их портрет дополняли оттопыренные треугольные уши, красные глаза, крохотный нос и широченная улыбка — визитная карточка самого неунывающего в Галактике народа. Согласно стереотипу, гoblin улыбается вообще везде, даже в кошмарном сне, на юби-

лее тещи и на похоронах; последнее — в знак уважения к покойнику.

Сделав глоток чая, баггейн в очередной раз окинул ресторан внимательным взглядом. Огромный зал с продуманно расставленными столами, в центре — медленно танцующая фигура, сотканная из водяных струй. Фонтан программируемого типа — три тысячи различных комбинаций, возможно создание движущихся изображений — уже третий год не выходит из моды у любителей роскоши. Обычно посетители старались занимать места поближе к водяной скульптуре, но сейчас центральные столики пустовали.

Вокруг царил период затишья, который Эльринн привык именовать для себя утром. Не то чтобы на огромной внепланетной станции понятие суток имело хоть какой-то смысл, однако негласно принятые циклы сна и бодрствования тут все же существовали. До первого наплыва клиентов оставалось еще несколько долгих часов. Позже ресторан наполнится говором на тысяче языков, рычанием, клекотом, стрекотом, сухими щелчками, влажным бульканьем и цветными переливами — но пока было пусто и тихо.

Немногочисленные посетители расселись у стен в разных уголках зала. Вон гномы — ни с кем не спутаешь даже на таком расстоянии. Едва ли выше официанта-гоблина, разве что на пару сантиметров — но какая мускулатура! Туристы из Уркрахта телосложением напоминали пару оживших тумбочек, а модные кустистые бороды делали их облик еще более внушительным. Под широкими густыми бровями скрывались крохотные желтые глазки — или, что более вероятно, новейшие оптические сенсоры, все более популярные у этих заядлых технарей.

Эльринн не смог рассмотреть, но сразу понял, *что* плескалось в кружках у оживленно спорящих бородачей. Наикрепчайшая брага. У весьма искушенных в напитках и вообще красивой жизни гномов простая грубая пища считалась дорожкой экзотикой и показателем статуса — чрезвычайно забавный парадокс, на котором некоторые предприимчивые рестораторы порой зарабатывали немалые деньги.

Баггейн перевел взгляд дальше. Еще одна беседа. Снова потомок землян — на сей раз светловолосый человек с мелкими чертами лица — и единственный на весь зал инопланетянин. Напротив мужчины сидел уроженец планеты Фашш, в три витка обернув бурый чешуйчатый хвост вокруг основания стула. Оба сидели слишком далеко, чтобы можно было понять те-

му беседы, но они хотя бы не спорили — иначе ящер уже всю раздувал бы капюшон.

Других посетителей баггейн давно рассмотрел во всех подробностях, а любоваться танцем фонтана не хотелось. Подумав, Эльринн включил расположенный над столиком голографический проектор. С его помощью можно было не только посмотреть меню, но и настроиться на любой канал — администрация «Перекрестка» не скупилась на удобство клиентов.

Над столешницей завис трехмерный логотип новостного блока, вскоре сменившийся изображением диктора. «Послушаем, чем сейчас дышит Галактика...» — подумал баггейн, продолжая пить чай.

— ...продолжаются споры касательно Яровского договора, — бодро тараторил диктор на эвксинском койне, самом распространенном пиджине современности. — Напомню, что республика Истинная Земля в очередной раз отказалась...

Перевертыш поморщился и переключился на следующую новость. Спор о том, кому же принадлежит Земля, давным-давно стал притчей во языцех и навяз в зубах всем заинтересованным сторонам. Большая часть народов, вышедших с этой планеты, требовала превратить ее в нейтральную территорию — в конце концов, родина предков! Однако люди, ухитрившиеся захватить ее в единоличное пользование с помощью каких-то хитрых юридических уловок — Эльринн никогда не был в этом особенно силен, — наотрез отказывались расставаться со столичной планетой.

— Ситуация на Гаэтимре обостряется. Террористы, захватившие северный фрагмент «полярного щита», грозят уничтожить его в случае невыполнения их требований, тем самым поставив под угрозу жизнь целой планеты...

«Проклятая политика. Хотя террористов стоит взять на заметку. С тех пор как выдохлась «Синяя Смерть», больше никто в таком масштабе не работал...»

— Только что поступили необычные сведения. Звезда Беллатрикс за последние несколько часов значительно уменьшилась в размерах и потеряла яркость. Процесс продолжается прежними темпами, и, по прогнозам астрофизиков, в течение стандартных суток звезда должна окончательно исчезнуть.

А вот это было уже действительно интересно. Баггейн во все глаза уставился на голограмму.

— Жители системы Беллатрикс спешно покидают ее пределы. К счастью, в ней есть только одна обитаемая планета — Авгий, и эвакуация проходит достаточно быстро...

Планету, поначалу именуемую Таларионом, вскоре переименовали в честь авгиевых конюшен — такое название лучше отражало ее суть. Авгий можно было уподобить новому Лас-Вегасу, увеличенному до планетарных масштабов и в разы более беззаконному. Точка пересечения многих космических трасс и просто экономически выгодная территория вскоре после колонизации стала крупнейшим в Галактике оплотом порока, теневого бизнеса и других радостей жизни.

— Теурги и ученые расходятся во мнениях относительно причин этого феномена. Что происходит?..

У Эльринна уже была версия на этот счет, и он почти не сомневался, что остальные вскоре придут к тому же выводу. Интересно, интересно... Вытащив из кармана блокнот и ручку, он кратко законспектировал услышанное. Случившийся неподалеку официант одарил его удивленным взглядом — у него явно не укладывалось в голове, что в двадцать третьем веке кто-то пользовался таким раритетом. Баггейн, впрочем, не обратил на гоблина никакого внимания. Перечитав написанное, он задумчиво пошевелил ушами, решительно отключил новости, махом допил чай и отправился прочь.

Через несколько минут приверженец архаичных канцелярских принадлежностей вышел из лифта на стоянке космических кораблей. Оглядевшись, перевертыш уверенно зашагал по бескрайней площадке, лавируя между космических машин самых разных форм и размеров. Со всех сторон — некоторые прицепились к стенам и даже потолку — громоздились обтекаемые республиканские корабли, потрепанные имперские суда с узнаваемыми руническими узорами, пульсирующие туши эльфийских звездолетов и окруженные пылающими силовыми нитями творения фашиан. Попадались и другие, более экзотичные — странные гости со всех уголков Галактики, похожие на причудливые раковины, необработанные каменные глыбы или же вовсе на нечто неопишное.

Наконец Эльринн достиг черной блестящей полусферы гоблинского производства. Такие изделия ценились повсюду — ушастые коротышки невероятно ловко сочетали технику с чародейскими практиками, выдавая совершенно удивительные результаты. Баггейн, впрочем, давно утратил благоговение — за последние годы «Танатос» стал для него почти родным домом.

Подойдя к слегка закопченному борту, перевертыш привычно провел в воздухе талисманом-ключом. Картина перед

глазами на миг раздробилась на несколько отчетливых плоскостей, сопрягающихся под странными углами, и сразу же сложилась вновь совершенно иным образом. Обычных люков гоблины не признавали, якобы полагая их не слишком-то надежными, а на деле — попросту скучными. Склонные к эпатажу гоблины-инженеры брезговали едва ли не всем, что казалось им заурядным.

Теперь вместо гладкого черного металла глазам Эльринна предстал круглый стол, за которым трое мужчин играли в карты. Все они на первый взгляд казались людьми, однако в действительности лишь один из них целиком принадлежал к человеческому роду. У всех троих была лишь одна общая черта — замысловатая татуировка в виде кольца на безымянном пальце. Точно такая же красовалась и на пальце перевертыша.

— Господа, — хмыкнул баггейн на безукоризненном койне, — простите, что отрываю вас от игры, но, кажется, у нас появилась работенка...

ГЛАВА 1

Звездолет «Танатос»

Девятое ноября 2278 года по земному летосчислению

Несмотря на страсть к оригинальности и даже некоторому выпендрежу, гоблины не гнушались производить серийные поделки — мол, пусть лучше модель будет одна, но зато такая, что ни у кого из соседей подобной нет! И теоретически они так и поступали. На деле же они проектировали некую типовую конструкцию, доведенную до максимально достижимых параметров, после чего создавали на ее базе сотни и тысячи разнообразных модификаций, различающихся дизайном и бесчисленным множеством мелких апгрейдов. Этот принцип распространялся практически на все их изделия, в том числе и на звездолеты. Одним из таких звездолетов был «Танатос». Помимо разнообразного оснащения, которым судно было напичкано изначально, «Танатос» нес в себе и следы некоторых остроумных модернизаций и доработок экипажа. Итогом стал транспорт практически уникальный и не имеющий в Галактике аналогов; экипаж, впрочем, об этом не распространялся, справедливо полагая, что лишний козырь никогда не помещает.

Экипаж «Танатоса» вообще не слишком любил посвящать в свои дела посторонних — их работа требовала осторожности и скрытности. Словно в подтверждение этого тезиса, в кают-компании, где велась беседа, царил полумрак. Большая часть собравшихся попросту не нуждалась в освещении, и потому скудная иллюминация создавала атмосферу весьма таинственную. Темно-зеленые стены, где голографические проекторы, ячейки апгрейдера и разнообразные талисманы сливались в сложную техномагическую систему, оставались в тени. Немногие включенные источники света озаряли круглый стол, за которым и сидели четверо из пяти членов экипажа.

— Значит, говоришь, Пожиратели Светил? — задумчиво переспросил Урглаах.

— Думаю, да, — кивнул Эльринн, шевельнув острыми ушами. — По всем признакам.

— Пожиратели — это скверно, — ровным тоном проговорил Уррглаах, сцепив пальцы в замок. На его лице не дрогнул ни единый мускул. — Можем не потянуть.

Как и баггейна Эльринна, его можно было с легкостью спутать с человеком. Худощавое телосложение, прямой нос, правильные черты лица, рыжие волосы спускаются на лоб. На вид лет двадцати, одет просто — в свитер и брюки, ничего примечательного. Его выдавали лишь имя и... взгляд. Взгляд существа, прожившего несколько веков, видевшего войны и революции, падения и становления держав — и оставшегося совершенно равнодушным. Суета какая, что ему до того?

Уррглаах был драконом. Человеческий облик был для него не более чем удобной личиной — для его сородичей подобная метаморфоза не составляла ни малейшего труда. Человек, гном, гоблин, рептилия с планеты Фашш или брувиллод со щупальцами — драконы не видели особой разницы, с легкостью копируя кого угодно. Выдавали их лишь проявления эмоций — разумные ящеры предпочитали в любой ситуации хранить воистину космическое спокойствие. Вот и сейчас, услышав, что из небытия вынырнула древняя цивилизация нейбов, справедливо прозванных Пожирателями Светил, Уррглаах ничуть не удивился, словно такое происходило если не каждый день, то хотя бы пару раз в месяц.

— Торопиться с выводами, — попрекнул Эльринна Александр.

Александр Синохари, чародей родом из империи Костуар, недолюбливал скоропалительные решения — сам когда-то здорово на этом погорел. Он тоже выглядел весьма заурядно — среднего роста светловолосый мужчина лет тридцати, с аккуратной бородкой клинышком. Взгляд исподлобья, тяжелый, хотя и порядком уступающий немигающему драконьему взору. Благодаря просторной черной одежде он почти сливался с окутавшими кают-компанию теньями. За поясом чародей держал магический жезл армейской конфигурации.

— Почему это «тороплюсь»? — возмутился баггейн.

— Не обязательно сами Пожиратели, — наставительно воздел палец Синохари, — возможно, кто-то сумел откопать их технологию.

Аргумент был резонным. Нейбы исчезли тысячи лет назад, задолго до выхода землян в космос, в ходе кровопролитной войны, развязанной тогдашними властителями Галактики, —

кто станет мириться, когда чужаки отбирают дающие жизнь светила одно за другим? Пожиратели считались полностью истребленными, и разумных объяснений их новому появлению спустя колоссальный срок не было. А вот одиночка или группа энтузиастов, нашедшие реликт древней эпохи, — куда более вероятный сценарий. К тому же это гораздо лучше, чем целая цивилизация реликтов, обладающих забытыми знаниями и умениями.

С другой стороны, найти подобного одиночку будет куда как сложнее.

— Да, вот тут ты прав, — сокрушенно признал Эльринн. Вытащив из кармана блокнот, он принялся ожесточенно списывать его страницу какими-то пометками. — Про технологию я как-то и не подумал.

— Радуйся, что Зиктейр занят, — хмыкнул Александр, — он бы уж точно прошелся насчет того, что тебе до технологий и дела нет, и застрял ты в позапрошлом веке.

Перевертыш сердито стриганул ушами, но промолчал. Видимо, признал, что гремлины не преминули бы высказаться именно в таком духе.

Отсутствовавший Зиктейр Ктуррмаан был гоблином, а по профессии — гремлином. Этот специфический род войск существовал только у гоблинов — нигде больше подобные формирования не возникли. Первые отряды гремлинов появились в двадцатом веке и были чем-то средним между диверсантами, промышленными шпионами, профессиональными механиками и, самую малость, шаманами. Эти разносторонние специалисты портили технику в тылу врага и всюду воровали секреты производства, после чего у себя на родине объединяли украденное с собственными разработками и шаманскими методиками. Так было положено начало знаменитому синтезу техники и волшебства, прославившему Эйкулларию. «Произведено гремлинами» стало крепким брендом, и сейчас многие даже ошибочно полагали, что гремлины — особый вид живых существ, как гоблин или гном.

Именно такой специалист и подвизался на «Танатосе» в качестве бортмеханика, канонира и пилота, отлично, кстати говоря, справляясь со своими обязанностями. Правда, порой весьма своеобразно.

— Как бы то ни было, господа, а Уррглаах прав: все это очень скверно, — покачал головой Семен. — Клянусь ночью, все это чрезвычайно некстати.

Семен Игве, последний член экипажа, был, как и Александр, облачен в черное. Тощий остроносый брюнет отличался крайней бледностью, словно страдал анемией, радужки глаз имели отчетливый красноватый оттенок — его можно было принять за крашеного альбиноса, однако подобное заблуждение было чрезвычайно опасным. Впрочем, *любое* заблуждение относительно бывшего члена имперской Тайной полиции может оказаться чрезвычайно опасным.

Тут стоит отметить, что термин «Тайная полиция» особого хождения за пределами Костуара не получил. В остальных странах членов этой мрачной структуры без обиняков называли старинным словом — вампиры. И то была отнюдь не фигура речи. Тайная полиция была последним уцелевшим течением древнего ордена, практиковавшего биоалхимическое изменение своих адептов наряду с кровавыми жертвоприношениями. Сверхчеловеческие способности ночных жрецов играли неоценимую роль в охране имперского правопорядка, а власти взамен закрывали глаза на то, что некоторые особо опасные преступники не доживали до суда, умиrotворив своей кровью неких полубытых мрачных богов.

Семен Игве давно вышел из полицейских рядов, однако до сих пор оставался членом ордена со всеми вытекающими способностями и некоторыми связями. За поясом у него висел на редкость острый кинжал, в котором наметанный глаз признал бы редкий и сугубо вампирский талисман. О свойствах этого клинка кровопийца не слишком любил распространяться, однако неизменно носил его с собой, не уставая пререкаться по этому поводу с таможенниками разных планет.

— Такие кризисы никогда не бывают кстати, ты не находишь? — отозвался дракон. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что в его голосе проскочила едва заметная нотка иронии.

— Не надо, ты прекрасно понимаешь, о чем я, — наморщил аристократический нос Семен. — Мы планировали вплотную заняться проблемой кейх'арта — производителей уже который год никто найти не может.

— Кейх'арт подождет, — спокойно ответил Уррглаах. — Наркоманы были, есть и будут — разберемся с одним зельем, на смену придет другое. Возможно, не столь опасное, но в целом ситуация не изменится. А тут промедление грозит большими проблемами. В конце концов, наш основатель в начале пути грезил о спасении мира. Вот и будем спасать.

Семен невольно потер татуировку в виде кольца на безымянном пальце. Символ небольшой, мало афиширующей себя организации, некогда претенциозно названной «Тени возмездия» — что в обиходе быстро сократилось до попросту «Теней», чтобы излишний пафос не резал слух. Символ, впрочем, достаточно условный — поскольку членов в этой, с позволения сказать, организации было раз-два и обчелся и друг друга все знали в лицо. Однако татуировка имела и другую, куда более любопытную и полезную функцию, о которой будет уместнее поведать чуть позже.

Основатель, богатый идеалист, задумывал создать эдакую неуловимую команду борцов со вселенской несправедливостью. Итогом стал не столько тот романтический образ, который рисовал себе основатель, сколько детективное агентство со штатом разноплановых специалистов и весьма хорошим оснащением. Пару сложных и запутанных дел «Тени» в свое время раскрыли, чем заработали себе пока еще шаткую, но репутацию.

В ряды «Теней» основатель набирал бывших военных, дослужившихся по меньшей мере до сержантского звания и ушедших из рядов армии из-за недовольства сложившимися порядками. Ему требовались идейные и опытные. Таких набралось не так уж много — на экипаж одного маленького звездолета. Эльринн, получивший освобождение от рабства за доблесть, проявленную в последней войне между Кьярнадом и Истинной Землей. Александр, получивший некоторые весьма неблагоприятные сведения о непосредственном начальстве и весьма пострадавший в итоге. Семен, в результате тренировок с командованием ушедший из войск в адвокатуру. Исключением стал Урглаах — у драконов не было армии, но каждый из них сам являлся уникальной боевой единицей. Органично завершил ансамбль Зиктейр — Эйкуллария давно ни с кем не воевала, но гоблин прошел военную подготовку и был отменным снайпером.

Сейчас «Теням» представился шанс стать именно теми, кем задумывались изначально, — спасителями мира. Значительного оживления, однако, эта перспектива не вызвала. Основатель не просто так сделал ставку на опыт — все собравшиеся за столом прекрасно знали, что в ходе серьезного кризиса холодная голова и спокойствие куда важнее энтузиазма.

— Спасать так спасать, — хмыкнул Александр и встал из-за стола. — Пойду пороюсь в базах данных по древней истории.

Может, там отыщется ключ — кто его знает? А вы пока пните Зиктейра, чтоб он направил звездолет в сторону Беллатрикс. Поглядим на эту затухающую звезду...

*Независимая планета Ктургомс. Город Эшриалг
Седьмое ноября 2278 года по земному летосчислению*

Эшриалг — типичный мегаполис двадцать третьего века. Феерическое, грандиозное, незабываемое зрелище, одновременно прекрасное и пугающее. Бесчисленные небоскребы возносятся со всех сторон — их далекие вершины отражают пламя заходящего солнца. Внизу, однако, царит отнюдь не тьма, а водоворот сияющих ослепительных огней. То тут, то там призывно вспыхивает голографическая реклама, предлагающая заглянуть то в гипермаркет «Пандора», то в ближайший публичный дом. Между домами протягиваются многоуровневые эстакады, еще выше скользит многочисленный воздушный транспорт. Это урбанистическое великолепие не утихает ни на минуту — кипение жизни в Эшриалге не прекращается никогда.

По улицам снуют многочисленные прохожие. Вон шествует пара надменных йаэрна — не обращают ни на кого внимания, как всегда. Вдали скользит существо, отдаленно напоминающее гигантского спрута. А вот целая толпа разумных ящеров, переговаривающихся на своем шипящем наречии. Однако эти единицы — исключения на общем фоне. Открыли планету гномы, назвав ее в честь какого-то своего божка, и потомки первооткрывателей обильно заселили ее наряду с людьми. Поэтому большей частью по улицам шествуют именно представители этих двух народов... или же потомки от смешанных браков.

Ни одно из государств своих прав на планету не предъявило, и Ктургомс сохранил независимость. Сложно, впрочем, сказать, пошло ли это ему на пользу. Планета оказалась лишена централизованного управления — власть постоянно оспаривали между собой главы крупных корпораций, мощнейшие криминальные авторитеты и профессура местной Магической гимназии, всюю использовавшая чародейское искусство для упрочения своих позиций на политической арене. В полнейшую анархию Ктургомс не скатывался и до прославленного Авгия ему было далеко, однако нравы там царили куда более вольные, чем в том же Уркрахте.

Яркий пример тому — «Златоносный Рудник», прославленный молодежный клуб и признанная цитадель порока. На пер-

вый взгляд заведение более чем скромное — всего лишь двухуровневое здание с не самой броской вывеской — однако на деле «Рудник» сполна оправдывал свое истинно гномье название. Публику сюда впускали только состоятельную и проверенную, зато ассортимент развлечений предлагали широчайший, что обеспечивало владельцу стабильный барыш. Тот, в свою очередь, не скупился регулярно обновлять репертуар особых мероприятий, удерживая постоянных клиентов.

Как раз двое таких постоянных клиентов шли к клубу, предрекаясь на ходу. Вместе они составляли весьма колоритную пару. Высокий крепыш со светлыми вьющимися волосами и густой бородой в компании русоволосого парня с хитрым взглядом и избытком в области талии, однако невероятно юркого и проворного. Крепыша звали Миснарг Томассон — наследник прославленного Паоло Томассона, главы колоссальной торговой империи. На одну четверть гном, от деда получил не только имя, но и бороду. Миснаргу еще не было и двадцати, однако густая растительность уже мешала разглядеть очертания подбородка и возвращалась в прежнем великолепии уже через пару дней после бритья. Юркого же толстяка звали Джон Иванов, и в нем смешались народности Костуара и Истинной Земли. Итог вышел весьма своеобразный.

— Здесь сегодня такое обещает быть!.. — возбужденно тараторил Джон. — Такое!..

— Так что будет-то? — уточнил Миснарг.

— Узнаешь, — лукаво сверкнул глазами приятель. Судя по утомленному виду Миснарга, Иванов уходил от ответа уже очень долго.

Но вот приятели наконец подошли к клубу, и перепалка утихла сама собой. У входа в «Златоносный Рудник», как всегда, стояли два дюжих гнома, выполнявших функции секьюрити. В архаичных костюмах и с топорами в руках, они казались персонажами со страниц учебника истории — но никто из посетителей не стал бы их недооценивать. Все прекрасно знали, что охранники вооружены портативными лучеметными установками, стилизованными под старинное оружие для эстетичности вида. К тому же лезвие у этих «топоров» было отнюдь не декоративным — его точили до мономолекулярной остроты.

Секьюрити синхронно уставились на пришедших. Зрительные имплантаты просканировали обоих с головы до ног, нашли соответствие в базе данных клуба, подтвердили отсутст-

вие голограммы или морока — и лишь после этой доскональной проверки гномы пропустили приятелей внутрь.

С момента последнего визита в клубе ровным счетом ничего не изменилось. Гремела режущая слух музыка — не то республиканский рок-н-трэш, не то гномий тектоник; причудливым образом соединялись полумрак и яркий мельтешащий свет. Было не протолкнуться; в неверном освещении толпы людей и нелюдей казались образами горячечного сна. Большинство собравшихся распивали подозрительного вида коктейли, некоторые дергались в рваном ритме, пытаясь танцевать под ужасающую какофонию. Некая особа, судя по стремительным, едва уловимым движениям и мерцающим оранжевым глазам, успела принять дозу кейх'арта. За стойкой бара высилась груда плоти с парой огромных фасетчатых глаз и тремя хоботами. Бесчисленные руки-щупальца обслуживали многочисленных клиентов, разливая по бокалам спиртное, галлюциногены и другие, еще менее безопасные смеси.

— Идем на второй уровень, — сообщил Джон, просачиваясь сквозь толпу. Миснарг, проталкивавшийся следом, припомнил, что на втором уровне проходят особые торжества и вечеринки, а также собрание «клубов внутри клуба» — разнообразных групп по интересам.

— Так что будет-то, ты можешь мне ответить?

— Сегодня там собрание Почитателей Огня, — возбужденно ответил приятель. — Я туда уже не первый раз хожу... Хотел тебя еще на прошлое собрание пригласить, но ты где-то на курорте был...

— Что еще за «Почитатели Огня»? — насторожился Миснарг. «Секта, что ли, какая-то?»

Сказанное Джоном только подтвердило его опасения:

— О, интереснейшие ребята! Прикинь, у них натурально своя религия, и... — тут он понизил голос до таинственного шепота, — похоже, то, о чем они болтают, действительно реально. Они такие дела вытворяли, натуральные чудеса! И без всякой магии!

— Угу, голографический проектор врубили, вот и все чудеса, — скептически фыркнул Миснарг, — или воздух дурью накачали.

— Ага, голограмма!.. — возмутился Джон. — Увидишь, тако-го ни одной голограмме не добиться!

— Увижу?! С чего ты взял, что я вообще хочу на вашу секту пялиться?! — возмутился в ответ Миснарг.

— Да ладно, хоть разок-то сходи, — примирительным тоном сказал приятель. — Не понравится — больше не поташу, чем хочешь клянусь!

— Ладно, — буркнул Миснарг. — Поглядим на ваших... огнеглотателей.

Джон возмущенно посмотрел на него, но промолчал.

Ступив на платформу телепортатора, они переместились на второй уровень. Там было гораздо тише, да и народу изрядно меньше. Пройдя немного по гулким полупустым коридорам, приятели очутились у двери, где стоял еще один гном-мордovorот, на вид неотличимый от секьюрити у входа в клуб. Человеку и так-то непросто различать гномов, а уж когда они в одной одежде и с одинаковым оружием — вовсе невозможно.

— С вас два дуарна, — пробасил гном. Подумал и уточнил: — С каждого.

— Это грабеж! — возмутился вконец осатаневший Миснарг. Дуарн, гоблинская валюта, был самой дорогой монетой в мире. Ни гномские золотые, ни доллевро Истинной Земли, ни маннары империи Костуар, ни кссу-хш ящеров с планеты Фашш не могли с ней тягаться.

Джон умоляюще глянул на Миснарга. Тот ответил взглядом голодного Иблиса, у которого кто-то украл любимые вилы и увел из-под носа перспективную душу. Джон вздохнул и полез в кошелек...

Миновав бородатого стража, приятели наконец прошли внутрь. В помещении оказалось с полсотни Почитателей Огня, как людей, так и нелюдей. Многие сидели на стульях, несколько рядов которых занимали большую часть помещения. Некоторые ходили вдоль стен, переговариваясь друг с другом.

— Ну и?.. Что дальше? — тихо спросил Миснарг. Он уже успокоился, хотя раздражение не покинуло его окончательно.

— Ждем Владыку, — рассеянно отозвался Джон.

— Какого еще... — начал было Миснарг, но приятель шикнул:

— Тихо! Начинается!

Часть помещения, свободную от стульев, занимала сцена или что-то на нее похожее — по сути просто небольшое возвышение. Оно пустовало — видимо, тот, для кого конструкция предназначалась, еще не подошел. В тот момент, когда Джон призвал к тишине Миснарга, на сцене взметнулся к потолку столб пламени. Спустя пару мгновений огненный столб сник, а на его месте возник человек.

Томассон ошеломленно протер глаза. Несмотря на то что в его жилах текла толика гномьей крови — а гномы в принципе не способны к волшебству, — природа все же не обделила его кое-каким чародейским талантом. И поэтому он чувствовал — это не было магией! Ничего общего! Да и не голографией оно было, скорее всего — как он ни изучал потолок и стены, не обнаружил ничего похожего на проекторы.

Похоже, есть крупница истины в том, что говорил Иванов.

Да и человек выглядел довольно... необычно. Высокий и худой, но словно преисполненный некоей внутренней силы, пришелец был облачен в алую с золотыми узорами мантию. Голова его была начисто лишена волос, а глаза имели отчетливый красный цвет. Вампир? Но нет, не похоже. У кровопийцы ясно видно, где радужка, где белок, а где зрачок. У этого же не было ни того, ни другого, ни третьего. У Миснарга неожиданно сложилось впечатление, что он смотрит в дыры, заполненные адским пламенем.

Тем временем тот, кого, видимо, Джон и назвал Владыкой, начал негромко, нараспев говорить (кажется, что-то цитируя, хотя Томассон не был уверен):

— Пламя — это бушующая стихия. Пламя — это огонь земных недр и яркое сияние звезд. Пламя — это энергия жизни, придающая бодрость, и яростная сила, способная уничтожить все живое. Тепло от огня обогревает и дает пропитание, а дым от огня скрывает многое... Научись пользоваться силой огня, и тебе станет доступно то, о чем ты не мог и мечтать! — короткая пауза. — Только Пламя даст тебе все!

Странная сила была заключена в этих словах. Казалось, они наполняют все помещение, растворяются в воздухе, заставляя его трепетать и нагреваться.

Владыка вытянул вперед правую руку, будто в благословляющем жесте, и продолжил:

— О, Пламя, горящее в центре всего! Даруй им силу и могущество, коих они заслуживают! Да будет мощь их достойна того, как служат они тебе, осени слуг своих благодатью своей, и да будет так во веки веков...

Пока он говорил, возле правой руки его в воздухе медленно проступал странный символ, похожий на правильный крест. Три палочки завершались окружностями, а одна — правая, если смотреть из зала — раздваивалась на конце. Красноглазый проповедник продолжал и продолжал, а загадочный рисунок разгорался все ярче и ярче. Вскоре на него стало больно смотреть. Владыка завершил молитву-заклинание, и крест... взо-

рвался, огненным ураганом заполнив всю комнату. И в этом тоже не было ни капли магии.

Миснарг невольно вскрикнул, когда стена бушующего пламени налетела прямо на него. А потом задохнулся от боли и повалился на пол, сотрясаясь в корчах. Огонь, казалось, охватил его снаружи и изнутри, плясал по коже, поселился внутри каждого органа, танцевал на нервах, струился в крови. На задворках охваченного пожаром сознания мелькнула безумная мысль, что это западня, устроенная специально для наследника торговой империи.

Все исчезло столь же внезапно, сколь и началось. Улеглась боль, утихло пламя — как вокруг, так и внутри. Утихло, оставив ощущение дикой, безграничной мощи, поселившейся внутри, пропитавшей каждую клеточку тела, поющей в кровеносных сосудах. Томассону казалось, что он вот-вот взорвется, если немедленно не сбросит излишек силы... Словно в ответ на эту мысль, с кончиков пальцев сорвалась струя огня, опалив пол. Миснарг ошеломленно уставился на собственную руку.

Стоит ли говорить, что он не чувствовал в себе ни капли магической силы?

Тем временем собравшиеся поднимались с пола. Кто-то сразу тратил часть силы на какой-нибудь фокус, кто-то поднимался спокойно и бодро, без лишней суеты. Какой-то гном недолго думая воспарил.

Летающие гномы... Мир сошел с ума!

А человек, известный большей части присутствующих как Владыка Пламени, смотрел на своих последователей и едва заметно усмехался тонкими губами. Пока все шло как надо.

Вернее, так, как надо ему.

Лаханта, столичная планета империи Кьяранд.

Город Ланмариакт, столица

Десятое ноября 2278 года по земному летосчислению

Сколь ни парадоксально это обстоятельство, следует отметить, что некоторые из выходцев с Земли ее уроженцами не являлись. Да, большая часть народов, вышедших в космос с этой планеты — люди, гномы и гоблины, явно состояли в родстве и определенно имели некоего отдаленного общего предка на эволюционном древе. Однако двух народов это не касается. В незапамятные времена они пришли на Землю из каких-то иных пространств и прочно обосновались на новой террито-

рии. Сама технология путешествий меж мирами давно позабыта, однако потомки колонистов остались.

Один из чужих народов — это драконы.

Второй народ — это йаэрна.

И пожалуйста, в их присутствии лучше даже не упоминай-те слово «эльф» — легко можно схлопотать обвинение в расизме и кучу серьезных проблем.

Вотчиной йаэрна была колоссальная империя Кьярнад — галактический лидер в области генной инженерии. Оставив другим презренное железо и мертвый кремний, на своих планетах они создали подлинный триумф биотехнологий. Здесь не увидишь чудовищных сооружений из стекла, стали и бетона, асфальтовых дорог и шумных механизмов. Города Кьярнада куда более необычны и причудливы.

Йаэрна мало что прихватили из родного мира, и давно уже забылось, как на самом деле он выглядел. Однако одну культуру, привезенную оттуда, они тщательно сохранили и лелеяли все тысячелетия на Земле и столетия на других планетах. Кейлари — удивительная жизнеформа, не похожая ни на что произрастающее на Земле. Она способна достигать поистине титанических размеров и притом отлично поддается контролю форм.

До выхода в космос разведение кейлари было чрезвычайно скромным. Однако получив в свое распоряжение планеты, принадлежащие им и никому больше, йаэрна развернулись по полной. На большинстве планет Кьярнада кейлари покрывает *всё*.

Суша целиком скрыта под слоем биомассы, на которой весьма неплохо выращивать пищу. А в некоторых местах прямо из этого слоя возносятся города. Кейлари имеет сходство и с растениями, и с грибами, и с полипами, что позволяет формировать из нее поистине немислимые постройки. Одни из городов империи напоминают коралловые рифы, другие — башни из кости и хрящей, третьи — сплетение выпроставшихся из-под земли и застывших щупалец. Многие из этих жилищ спускаются под воду и продолжают уже на дне. Впрочем, мутную слизь, заполняющую океаны Кьярнада, сложно назвать водой — в крупных водоемах разводят полезные микроорганизмы.

Что же до столичного Ланмариакта, он более всего напоминает огромный лес, заполненный гигантскими деревьями. Меж их ветвей выросли дома, дупла при ближайшем рассмотрении оказываются дверями и окнами. Под их сенью протяну-

лись сады и плантации, на которых безропотно трудятся всевозможные гротескные твари, вышедшие из лабораторий. Сами йаэрна в этом сумрачном царстве показывались лишь изредка — надменно прокатывались на паланкинах или ездовых рабах, отдавая пару-тройку коротких приказов.

Нет, снаружи древесных домов высшая каста показывалась крайне редко. Куда более ее интересовало то, что происходит внутри.

Тронный зал императора, великого Каймеаркара IV, с первого взгляда производил на посетителей неизгладимое впечатление. Полость в толще ствола была способна вместить по меньшей мере тысячу посетителей, хотя столь пышные приемы устраивались крайне редко. Поросшие листвой колонны больше напоминали деревья — вырастая из пола, они сливались с потолком. Своды мерцали тусклым зеленоватым светом — их покрывал густой слой огромных светлячков. Насекомые переползали туда-сюда, из-за чего казалось, что по потолку пробегает рябь.

Мало того, листья на колоннах тоже светились и медленно меняли окраску, словно некие странные гирлянды. Те, кто обвиняют йаэрна в отсутствии вкуса и чувства меры, не столь уж заблуждаются.

В центре зала прямо из пола произрастал длинный стол, уставленный разнообразными яствами. Ни единого следа мяса, лишь вегетарианские блюда — но какое разнообразие! Овощи и фрукты, грибы и ягоды, а также другие, совсем странные плоды, которые сложно к чему-либо с уверенностью отнести даже умудренным биологам Кьярнада — гастрономическое богатство с самых разных концов Галактики, потрясающее воображение изобилием форм и расцветок. Воистину, нигде больше не увидишь подобного меню!

А меж столом и колоннами неторопливо прохаживались эльфы... простите великодушно, йаэрна. Благородные лорды и леди, сливки общества, цвет имперской аристократии. Сторонний наблюдатель из рода человеческого увидел бы высокие и худощавые фигуры в плащах и туниках, со множеством украшений на руках и шее, с надменными лицами и чуть заостренными ушами... но это увидел бы человек. Гном или гоблин узрел бы совсем иную картину.

Знаменитые эльфийские красота и очарование — отнюдь не легенда, но и не правда. Это всего лишь морок — развившийся в ходе эволюции естественный морок, для поддержа-

ния которого йаэрна не прилагает ни малейших усилий. Большинству других разумных существ йаэрна априори кажутся прекрасными и притягательными. Преодолеть этот обман не так уж просто. Но иногда...

...иногда сквозь гримасу разъяренного эльфа проступает дрожь мимических щупалец...

...иногда подсознание понимает, что йаэрна держит в ладонях гораздо больше, чем можно унести всего лишь в двух руках...

...иногда пристальное изучение эльфийской мебели приносит понимание, что она предназначена для сидения отнюдь не человекообразных существ...

...и все же преодолеть наваждение и увидеть йаэрна таким, каков он есть, практически невозможно. Это удастся лишь драконам, опытным чародеям, а зачастую — участникам военных конфликтов, поскольку с мертвого йаэрна морок сползает практически сразу, обнажая истину.

Но трупы в тронном зале в вечер торжественного приема — это все же несколько неприлично, и потому гипотетический сторонний наблюдатель со всех сторон видел бы лишь морок, морок и морок. Аристократы негромко переговаривались, порой обмениваясь анекдотами из жизни двора. Официальная часть императорского приема закончилась, и в скором времени должен был начаться банкет. Предвкушение грядущего пиршества витало в воздухе...

...и было нарушено весьма неожиданным образом.

Во дворце редко бывают незваные гости, и тем удивительнее, что в тот день подобный гость осмелился прибыть прямо к престолу самодержца. И что самое удивительное — это был человек. Всего лишь смертный! Пусть и сами владыки Кьярнада были отнюдь не вечны, их долголетие позволяло презирать людей-«однодневок». И чтобы эта низшая форма жизни явилась в резиденции императора? Никто не пустил бы ее даже на порог.

Но гость не спросил ничего разрешения. Он пришел сам — вернее, возник из пустоты, причем необычайно зрелищно. Прямо посреди зала появился плоский черно-белый силуэт, немного поколыхался в воздухе, наливаясь красками, затем рывком обрел объем, а мигом позже — *реальность*. Слово облеклась плотью трехмерная голограмма.

Цвет эльфийского общества расступился в стороны при виде столь беспардонного вторжения. По залу пробежал ропот, волна недовольства прокатилась от самых дверей и разби-

лась о подножие трона. Восседавший на нем Каймеаркар — стороннему наблюдателю он виделся бы седовласым, морщинистым, но все еще крепким стариком — злобно дернул щупальцами. Он мог приказать немедленно стереть нахала в порошок, но, подумав, решил этого не делать. Охрана зала уже держала гостя под прицелом — стоит тому сделать одно лишь резкое движение, и на него обрушится град отравленных шипов. Что же до колдовских трюков — одесную от трона императора стоял придворный чародей, готовый отразить любую злонамеренную ворожбу.

Правда, он же уверял, что во дворец невозможно телепортироваться извне. Но устроить чародею экзекуцию можно и потом. А пока следует удовлетворить любопытство и узнать, что привело сюда эту подозрительную фигуру.

Нежданный визитер был высок и, вероятно, худ — подробности мешал разглядеть просторный плащ с капюшоном. Единственным открытым участком тела являлись кисти рук — тонкие, с длинными пальцами. Правую ладонь украшали несколько свежих ожогов.

— Кто ты такой и зачем явился сюда? — с неизменным эльфийским высокомерием спросил владыка йаэрна. Льда в его голосе было достаточно, чтобы заморозить ядро планеты.

Пришелец поклонился в пояс и ответил хорошо поставленным тенором:

— Можете звать меня Нифонт. — На языке йаэрна чужак говорил почти без акцента. — Я пришел, чтобы сделать империи Звездного народа весьма выгодное предложение.

— Неужели? — хмыкнул император. Слова смертного его несколько развеселили. — И что же ты имеешь нам предложить?

— То, что не сумеет никто другой, — спокойно ответил Нифонт, нимало не смущенный насмешкой в голосе собеседника. — Долголетие, которое прежде не снилось даже вам... и то, о чем народ йаэрна мечтал с начала времен: возможность переносить присутствие железа.

Железо! Самый звук этого слова заставил собравшихся содрогнуться в отвращении.

— Какая щедрость, — изогнул щупальца Каймеаркар, даже не пытаясь казаться серьезным. — И что же ты потребуешь в награду за столь бесценный дар?

— Сущую безделицу, — пришелец обезоруживающе развел руками, — всего лишь оптовую порцию кейх'арта.

Кейх'арт, главный наркотик современности. Уникальный препарат, доставляющий немало хлопот стражам правопорядка. Ни один другой расширитель сознания не давал и тени тех возможностей, что открывал кейх'арт, — загадочная отравка пробуждала прежде скрытые телепатические способности, которые есть у большинства разумных существ. Итог был предсказуем — вскоре после того, как на рынке появилась чудодурь, преступность пустилась в стремительный рост. Грабители и воры быстро смекнули, что с использованием телепатии планировать операции будет куда удобнее — и жестокая ломка не казалась им слишком высокой ценой. Что уж говорить о конченных наркоманах! Сколько раз они впадали в буйство, сходя с ума от роящихся вокруг оскорбительных мыслей?

Даже в самых либеральных государствах таинственный наркотик был запрещен. Хранящие и принимающие его преследовались с поистине драконовским рвением, неведомого производителя подвергали анафеме и обещали несметные суммы за его голову. И вот теперь какой-то смертный явился ко дворцу императора Кьярнада и требует запрещенный препарат! Каймеаркар понял, что с пришельцем пора кончать. Прийти и недвусмысленно обвинить йаэрна в наименее законном бизнесе из возможных... такое не прощается.

Нет, откровенно говоря, они действительно им занимались — но все же должны быть пределы!

Владыка вскинул десницу, намереваясь угостить незваного визитера добротным параличом, а потом отдать в пыточные камеры на месяц-другой. Нифонт тоже, в свою очередь, вскинул руку, но отнюдь не в колдовском, а в самом обычном жесте:

— Не торопитесь, владыка. Я ведь не блефовал, говоря, что у меня есть нечто ценное взамен.

Смертный издал тихий смешок и вытащил из воздуха небольшой прозрачный кубик, наполненный изумрудной жидкостью. Она испускала яркое сияние, перебивающее даже свет потолка и листьев.

Тронный зал мгновенно накрыла казавшаяся осязаемой тишина. Слышно было, как с шорохом перебираются над головами светлячки. Все присутствующие вытянули шеи, неверяще глядя на принесенное человеком.

С треском ушла в пол плясавшая на пальцах владыки молния.

— Темпорин... — без выражения в голосе произнес император.

— Он самый, владыка, он самый, — спокойно подтвердил Нифонт. — Полагаю, это более чем равноценная плата. Не вздумайте!.. — повелительно бросил он страже, приготовившейся изрешетить спину пришельца ядовитыми иглами. — Это лишь небольшой запас, которого не хватит на всю империю, и в случае моей смерти большего вы не получите. Кроме того, не забывайте, что я сумел преодолеть телепортационную блокировку дворца — в моих руках немало козырей. Со мной куда выгоднее сотрудничать — с достаточным количеством темпорина Кьярнад вскоре лишится серьезных соперников, — и пришелец обвел зал взглядом. Никто не шелохнулся. — Так что же, владыка, вы согласны?

— Согласен, — вздохнул Каймеаркар.

Под складками капюшона Нифонт затаенно усмехнулся.

ГЛАВА 2

Из дневника Нифонта Шриваставы

«Пространство и время — лишь функции разума, те фильтры, что ограничивают поток поступающей информации и отделяют нас от безумия. На первый взгляд подобная позиция может показаться сюрреалистичной, однако многое ее подтверждает. И самое тривиальное подтверждение, настолько обыденное, что никто не придает ему значения, — память. Прошлое — то, что ушло, чего не существует, и тем не менее мы способны обращаться к нему вновь и вновь. В исключительных случаях — я говорю о феномене эйдетизма — восстанавливать совершенно точно, в наимельчайших деталях. И если это кажется вам недостаточно убедительным — что вы скажете о других доказательствах, менее обыденных?

Погружаясь, мы изменяем свой разум, пробуждая его новые свойства. И тут нельзя умолчать о даре ясновидения — редчайшем таланте, который крайне трудно развивать. Но все же он существует, и те немногие, кто научились им пользоваться, способны получать образы грядущего — точно так же, как мы усилием воли пробуждаем образы прошлого. И стоит ли говорить о таком заурядном магическом действе, как телепортация, когда разум и усилие воли переносят чародея в совершенно иное место? Движение — не более чем смена точки зрения. Вопрос лишь в том, менять ли ее плавно и постепенно либо сразу.

Сейчас мы имеем лишь неверную, внезапно обрывающуюся тропу в прошлое. Другие стороны космоса отделены от нас и доступны лишь путем ухищрений. Если однажды мы сумеем раскрыть восприятие во всю ширь — мы перестанем быть собой и обратимся в нечто принципиально иное.

Будет ли это к добру или к худу?

Не знаю».

Марс, планета в составе республики Истинная Земля.

Купол Земной Атмосферы

Третье марта 2271 года по земному летосчислению

Люди, бывшие, как и эльфы, невероятными ксенофобами, просто физически не могли основать единое государство. Даже сейчас, в дни колоссальных транспланетных держав, человечество все равно было разделено на два фронта. Магократическая империя Костуар, оплот древних традиций и чародейства, раскинувшийся на двадцать две планеты, и гораздо более скромная демократическая республика Истинная Земля, владевшая символичной чертовой дюжиной миров. Путем хитроумных юридических уловок республиканцы отхватили себе в личное пользование Землю, колыбель сразу пяти народов, и теперь ни в какую не хотели ею делиться.

Истинная Земля — страна невероятных контрастов, безумных крайностей и сочетания несочетаемого. Общепризнанный оплот бюрократии, центр тотальной политкорректности и вершин религиозного фанатизма, триумф высочайших технологий, родина терраформирования и диетического фастфуда. Техническая мысль республиканцев долгие годы конкурировала с гномьей, а уж по части гротеска и устремленности в будущее Истинная Земля занимала почетное первое место.

Впрочем, не все созданные здесь технологии получили широкое применение. Взять хотя бы то же терраформирование, способное превратить необитаемую планету в цветущий курорт. Перспективная на первый взгляд практика совершенно не окупалась, и потому тот же Марс, одну из ближайших к Земле планет, никто терраформировать не стал. Все, чем ограничивалось его освоение — небольшой город, накрытый герметичным куполом.

Назвали город просто и без фантазии — Купол Земной Атмосферы, сокращенно КЗА.

Именно здесь обосновался один из наиболее одиозных учеников в истории республики.

Максимилиан Аневич-Эндриксон родился за сорок четыре года то того, как общественность была взбудоражена сообщением о гаснущей звезде — или же за тридцать семь лет до событий, о которых сейчас пойдет речь. Уроженец Истинной Земли, сын чрезвычайно богатого, но не слишком талантливой и крайне сварливого теурга. Увы, к досаде и разочарованию отца, сын уродился полной бездарностью в тайном искусстве. Сколько времени потратил отец, пытаясь добиться от него хотя бы простейших чар! Бесполезно — Макс был к теургии не способен.

Наконец терпение родителя лопнуло, и в день своего восьмилетия Макс вылетел из дома под истеричный вопль отца: «Ты мне больше не сын!»

Так Максимилиан оказался один, с фамилией матери и горсткой монет в кармане. Положение, мягко говоря, безрадостное. Но сразу сдаваться мальчик не стал — его прирожденный актерский талант помог ему более-менее выживать до тех пор, пока его не усыновил один из друзей семьи, в ту пору содержавший средней руки ресторан. Так Макс получил комнату и пропитание. Все это он честно отработывал, по мелочам помогая в хозяйстве — не хотел быть нахлебником.

Наконец, он даже сумел поступить в школу — до изгнания из-под отчего крова мальчик получал домашнее образование. Знал Макс мало, а возраст для поступления был, скажем откровенно, великоват. Но все-таки невероятными усилиями он догнал и даже перегнал всех своих ровесников.

Все эти годы никаких весточек от настоящих родителей Макса не поступало. Но однажды, когда ему было уже четырнадцать, пришло извещение о смерти всей семьи в результате пожара. И весь капитал отца — не такой уж и маленький — перешел к нему...

Теперь мальчик в деньгах не нуждался.

Шли годы. Наш герой поступил в один из престижнейших вузов страны. С детства он привык работать много и расторопно, что помогло ему блестяще закончить обучение. Высшее образование и колоссальное наследство открывают в жизни немало дорог — а капиталов Максимилиана хватило бы, чтобы прикупить в частное пользование небольшую планету. До самого выпуска Макс не потратил из этого состояния ни доллере, предпочитая обходиться другими источниками. Теперь же он пустил отцовские капиталы в ход, но собственной планете предпочел сравнительно небольшой научно-исследователь-

ский центр. Назвали его ИЦМАЭ — Исследовательский Центр Максимилиана Аневича-Эндриксона.

Прошло еще несколько лет. За это время центр не успел очастливить мир новыми разработками и открытиями, но упорно продолжал один проект, начатый Эндриксоном еще в школе. Сам он тем временем защитил несколько диссертаций и получил степень доктора наук. Но наконец упорный труд нескольких лет был завершен и готов к демонстрации публике.

Радуйтесь, дамы и господа — пришел час презентации!

До начала оставалось несколько минут. В это время Макс внимательно изучал аудиторию. Негусто, что и говорить... Не так уж много оказалось заинтересованных в разработке безвестного исследовательского центра. Тем не менее зал не был пуст — а значит, весть вскоре разлетится повсюду.

Вот делегация гномов. Наверное, слишком громко сказано — «делегация» представляла собой пару зевающих и ковыляющих в носу бородачей. Видно, что им совершенно неинтересно. «Хоть бы приличия соблюли, — мимоходом подумал Макс, — а не нравится, так не приходили бы...» У подданных Укррахта было свое, совершенно однозначное мнение о том, у кого лучшая техника в Галактике, и место это в их сознании отводилось отнюдь не людям. К гоблинам они тоже относились с легкой иронией — в конце концов, технику они дорабатывали колдовскими фокусами, а это уже не чистая наука, а настоящее жульничество! Во всяком случае, по гномьим понятиям.

Кстати о гоблинах — вот их сиденья, совсем рядом. Ушастые коротышки, наоборот, демонстрируют оживление и интерес — кроме безбашенности и лени они отличаются и неумным любопытством, никогда не откажутся от знакомства с новинками. Перекупить по выгодной цене, а лучше заполучить даром, поковыряться во внутренностях и пустить в дело — в этом все они. Некоторые облачены в традиционную зелень, однако большая часть — в гремлинских спецовках.

Рядом с улыбочивыми техниками — кто-то более человекообразный... но отнюдь не человек. Такое выражение лица, такой взгляд свойственны лишь драконам. Дружба крылатых ящеров с гоблинами общеизвестна — драконы с незапамятных времен оказывали им покровительство — но все же что он забыл на этой презентации? Насколько было известно Макс, техника этому народу совершенно безразлична. Впрочем, дра-

коны — существа себе на уме. Понять, что творится в голове дракона, может лишь его сородич.

В дальнем углу, отдельно от всех, сидит спригган с медальоном свободного. Эти эльфийские порождения невысоки ростом и весьма похожи на людей, только весьма нестандартной расцветки — с очень смуглой кожей и светлыми, почти белыми волосами. Возможно, именно они стали источником баек про «темных эльфов». Спригганы профессионально насылают порчу, посему данный посетитель у охраны на особом счету. Если начнет проявлять подозрительную активность — будет немедленно вызван штатный теург.

Присутствовали в зале и имперцы. От Костуара прибыла пара-тройка журналистов, двое обычных людей, теург — «нет, — поправил себя Макс, — в империи их называют «чародеями», — и даже один вампир. Зачем делегации потребовалось брать с собой представителя Тайной полиции — совершенно неясно, но охрана на всякий случай взяла на учет и его. Впрочем, пока что имперцы и спригган вели себя тихо, не давая мордovorотам-секьюрити повода почесать кулаки.

Помимо выходцев с Земли было и несколько выходцев из совершенно иных народов. Их представляли пара странных пернатых существ со множеством конечностей и несколько ящеров с планеты Фашш. Последние, будучи магикальной цивилизацией, никогда не отказывались позаимствовать интересные механизмы — рептилии не отличались снобизмом.

Макс достал ромб Руба¹. Он был достаточно нервным, а эта игрушка, нехитрая по устройству, но очень сложная по решению, хорошо успокаивала. Зал был далеко не полон, но все же там находилось не меньше двух десятков зрителей — а на сцену выйдут всего двое. Он сам, невысокий, толстый и черноволосый, и его первый инженер и помощник — гремлин Зиктейр Ктуррмаан.

Стоит заметить, что гоблины даже для человеческого глаза отнюдь не на одно лицо. Это все же целый биологический вид, и внутри него, как и у людей, есть свои расы. Зиктейр был вовсе не коричневым, а тускло-зеленоватым, с желтыми глазами

¹ Р о м б Р у б а (РР) — головоломка на базе искаженного пространства, девятигранник в форме усеченного октаэдра, состоящий из восьмидесяти одного кубика. Существуют модификации, где кубики могут различаться по цветам, надписям, узорам либо номерным обозначениям. Каждую сторону можно перемещать определенным образом. Задача варьируется в зависимости от типа ромба. — *Здесь и далее примеч. авт.*

и чуть более широкими, чем обычно, ушами. Кроме того, его кожу покрывала мелкая сеточка морщин, издали напоминающая чешую. Облачен он был в куртку и штаны из натуральной кожи, а вдобавок еще и бос — этот фасон Ктуррмаан предпочитал всем остальным. Правда, характерная гоблинская улыбка была чуть менее широка, чем обычно. Макс не понимал почему, но Зиктейр явно волновался.

— Пора, — сказал он гремлину. Голографические кулисы истаяли, и они оба вышли на сцену.

*Мимир, планета в составе империи Костуар
Со второго по восьмое марта 2271 года по земному
летосчислению*

Александр Синохари был крайне недоволен. Хотя «недоволен» — это еще очень мягко сказано. Только железный самоконтроль не позволял ему немедленно сорваться и что-нибудь уничтожить.

Опытный боевой чародей, с отличием закончивший университет, принимавший участие в сражениях с республиканцами и даже с эльфами... И его, закаленного ветерана, отправили работать с *новобранцами*?! Утирать сопли этим детишкам?! Нет уж, зеленых юнцов обучать будет кто-нибудь другой.

Синохари глубоко задышал успокаиваясь. Разрушать по камешку воинскую часть нет ни малейшей нужды. Достаточно всего-навсего пройти эту самую воинскую часть насквозь и хлопнуть на стол полковника заявление об уходе. Ничего сложного. Задерживаться дольше необходимого в родной армии, подложившей такую свинью, капитан не собирался. Ничего, найдется работка и поинтереснее. Всяко лучше, чем возиться с молодежью.

Вскоре Александр шел по коридорам с гордо поднятой головой, чтобы подать это самое заявление. Навстречу ему никто не попадался — коридоры были странно пусты. Вдруг он невольно замедлил шаг, услышав шум за одной из дверей. Вернее, не шум, а чрезвычайно недовольные крики. Доносились они из кабинета майора Круасана, над чьей фамилией втихомолку посмеивались все подчиненные, выдумывая самые разнообразные каламбуры.

Синохари остановился. Говорят, любопытство сгубило кошку. Но под дверями кабинета оказалась не кошка, а опытный боевой чародей. Это в корне меняло дело.

Адепты тайного искусства — называйся оно чародейством или теургией — одинаково не любили, когда их искусство име-

новали наукой. Наука опирается на строгую логику, набор определенных аксиом и умение искать закономерности. Однако для работы с магической энергией простое обыденное сознание не работает. Здесь спасует обыкновенная логика, не помогут формулы и расчеты. Здесь гораздо важнее чутье, вдохновение и интуиция. Однако для полноценной работы с магией простого набора этих качеств недостаточно — нужно полностью отринуть суетные мысли, целиком перейти в иное состояние сознания.

Чародеи Костуара именуют его *погружением*.

Александр Синохари *погрузился* и сразу начал работать. Магия — это просто энергия, а всякие чары — это *форма*, в которую энергия облекается. Эту форму придают ей мысли чародея. Сложность творимого волшебства определяется как необходимым количеством магии, так и сложностью тех образов, которые вызывает в своем разуме чудотворец. Бывают изощреннейшие концепции, которым достаточно минимума энергии, дабы начать преобразовывать мир. Бывают же и простейшие идеи, которые для тех или иных целей наполняют поистине сокрушающей мощью.

Сейчас Александр работал с малым количеством магии, однако применял ее поистине филигранно. Нет ничего проще, чем разжечь колдовской огонь или переместить предмет без помощи рук — обычное преобразование и распределение энергии, на это способен даже недоучка, усвоивший азы. А вот образы, которые сейчас претворял в жизнь Синохари, были результатом куда более тонкой работы, и их эффект был намного сложнее.

Слух чародея обострился, словно он находился не за дверью, приглушающей звук, а в самом кабинете, рядом с участниками спора. Одновременно с этим облик капитана потерял четкость, расплылся и растворился в воздухе. Теперь случайный прохожий едва ли сумел бы уличить чародея в подслушивании — ему потребовалось бы заметить сам факт применения чар незримости, а потом ухитриться их превозмочь, чтобы разглядеть скрытного соглядатая.

С того момента как Александр остановился и до момента его полного «исчезновения» прошло немногим более нескольких секунд.

— Будешь платить? — донесся уверенный голос.

— Нет! У меня нет таких денег! — Второй голос практически хныкал.

— Врешь, собака, — ругнулся уверенный голос, ухитрившийся при этом остаться ровным.

— Правду говорю...

Раздался звук удара.

— Я знаю, что последние полтора года ты с положенных тебе денег откладывал почти половину. Отдашь их — и твоя рота не будет бежать тридцатикилометровый кросс по пересеченной местности без применения магии. Не отдашь — скажу им, что бегут-то все по твоей вине. Тогда тебя свои же и...

Плачущий голос вскрикнул от еще одного удара.

— Да, я копил! Но у меня брат больной очень, нужна дорогая операция, иначе он не выживет!..

— Врешь. Нет у тебя больного брата. Иначе почему тебе выслали неделю назад целых пятьсот маннаров из дома, а? Неужто эти очень нужные брату деньги тебе посылают, а?

— Но я получил всего четыреста пятьдесят маннаров!.. — вскрикнул было хнычущий голос.

— Таможенная плата, — жестко отрезал уверенный голос. Еще несколько голосов фальшиво расхохотались. Видимо, им экзекуция не доставляла особого удовольствия.

— Хорошо, — тихо сказал уже не хнычущий голос, — я отдам...

— Значит, завтра в пять вечера, в моем кабинете, — обрадовался уверенный голос. — Свободен.

Через несколько секунд дверь открылась и в коридор вывалился кто-то из солдат. Вывалившись немного раньше, он рисковал столкнуться с невидимым Синохари. Но тот уже успел ретироваться, на всякий случай оставаясь невидимым. Чародей решил повременить с отставкой на день. А завтра в пять поймать нечистых на руку коллег с поличным. Александр мрачно усмехнулся. «Неплохая возможность уйти, клянусь Одним...» После такого к его словам прислушаются гораздо охотнее.

Синохари никогда не любил подлецов.

Вчера чародей лег спать воодушевленным. А вот проснулся — не слишком.

А в самом деле, кто будет воодушевлен, если рано утром его выволокут из постели, сделают в плечо инъекцию неизвестно чего и потащат в кабинет майора Круасана?

Подняли Александра сопротивляющимся, но постепенно на него накатила странная апатия — видимо, укол был каким-то видом успокоительного. Тем не менее полностью свободо-

любие Синохари не угасло, и он попытался сотворить хотя бы простейшие защитные чары. Однако стоило чародею лишь начать *погрузаться*, ему от души вывернули кисть левой руки. Резкая боль сбила всякую концентрацию, и о магической обороне пришлось временно забыть.

— Здравствуйте, капитан Синохари, — сказал недавний уверенный голос, в котором появились некоторые нотки сарказма. — Неужели вы думали, что останетесь для меня незамеченным? Какая наивность!..

За время выслушивания этой глумливой нотации Александр успел рассмотреть всех присутствующих. Говорил майор Круасан, высокий худой человек с жиденькими усиками, весьма уместно смотревшимися бы на лице какого-нибудь диктатора. Затем Александр чуть повернул голову, чтобы рассмотреть державших его. И сразу сообразил, как его вычислили. Держали его вампиры. Тайной полицией участие ордена в политике империи не ограничивалось — некоторых кровопийц распределяли в армию, справедливо рассудив, что подобные боевые единицы лишними не будут. Вампиры были прекрасными телепатами — и пары этих чудовищ вполне хватило, чтобы уловить мысли квалифицированного чародея через дверь.

Майор продолжал вещать что-то ехидное и поучительное, а Синохари тем временем раз за разом пытался освободиться. Попытки были бесплодны — пленители улавливали малейшую мысль о сопротивлении и гасили ее в зародыше. Сложно бороться с теми, кто заранее знает все твои ходы.

В конце концов Александр совершил нечто сродни небольшому подвигу — в мгновение ока переключил сознание и пустил магию в ход. Не ожидавших подобного вампиров просто-напросто смело, впечатав в противоположные стены. Первый кровосос еще только сползал на пол, ошеломленно тараща алые глаза, а чародей уже успел оглушить его ударом жезла. Два стремительных шага, удар — и та же судьба постигла и второго вампира, который только-только собирался вскочить на ноги.

Синохари был ужасен в гневе. По крайней мере, майора его перекошенное лицо явно испугало. Отступая, Круасан выдвинул ящик стола и выхватил небольшой пистолет-лучемет, трясушимися руками наводя его на капитана. Тот успел первым, вкладывая оставшийся у него запас магических сил в простейшее волшебство. Взгляд чародея стал буквально осязаемым — майор оторвался от земли, аки птичка небесная, и вылетел наружу, спиной выбив силовой стеклопакет.

Правда, позвоночник этого столкновения не выдержал.

Только увидев под окном изломанное тело, Синохари понял, что случилось. Круасан был мертв — после такого не выживают...

Вообще-то в такой ситуации всего лишь пять лет условно и полная конфискация имущества — баснословная удача. Но адвокат чародея, Семен Игве, переживал так, словно это был приговор ему самому. Нет, разумеется, это был удар по его репутации и карьере, но все же...

Тем не менее тщательное расследование дела и телепатическая экспертиза Александра выявили, мягко говоря, смягчающие обстоятельства. Поэтому неофициальный приговор звучал иначе — добровольный уход из армии. Сразу и навсегда.

Хотя конфискацию отменять, увы, не стали.

После этого у Синохари не осталось ничего. Изъяли даже одежду, даже жезл. Последнее особенно удручало — будучи не только показателем статуса, но и ценным инструментом, жезл помог бы поскорее материализовать минимум необходимых владельцу вещей. Однако инструмент был конфискован, друзей у Александра не имелось, ожидать помощи неоткуда, и чародей был готов впасть в отчаяние.

Тем не менее помощь пришла, причем совершенно с неожиданной стороны. Ее предложил адвокат, тот самый Семен. Синохари это одновременно обрадовало, удивило и насторожило. Не так уж часто проигравший дело адвокат протягивает подзащитному руку помощи уже после процесса. А кроме того, после происшествия в кабинете майора Круасана, с которого все и началось, чародей стал с большим подозрением относиться к вампирам.

Именно так, адвокат являлся членом ордена, и это было наиболее удивительным обстоятельством. Увидеть в империи ночного жреца в штатском — явление не то что небывалое, но по меньшей мере редкое. Еще задолго до выхода в космос и даже до объединения держав орден заключил договор с правительством Российской империи. Договор простой и незамысловатый — кровопийцы приносят в жертву только неблагонадежных элементов, подрывающих порядок и устои в империи, а взамен им позволяют выйти из подполья и жить совершенно безбоязненно. Так гонимая и преследуемая секта переродилась в Тайную полицию и несколько армейских формирований, примерно спустя столетие точно в таком же виде влившись в состав империи Костуар.

Каким образом один из столь ценных кадров оказался на гражданке, Александр не понимал. Сам адвокат ворошить прошлое не захотел. Зато любезно предоставил чародею стол и кров — «за прокол, прошу извинить», как он выразился. Даже пообещал немного похлопотать насчет выгодной и очень интересной работы — хотя вот это Синохари не удивило, поскольку едва ли кому-то захочется лишние дни держать в доме нахлебника.

И обещание вскоре было выполнено — Александр и Семен отправились на встречу с неким «весьма нужным человеком». Впрочем, при слове «человек» адвокат как-то очень странно усмехнулся.

Время для встречи было выбрано то еще. Вечер был не самый поздний, но на улицах царила мгла — небо затянули хмурые тучи, сосредоточенно поливающие улицы дождем. Минт-дарград и так был не самым приветливым городом — тяжело-весная имперская архитектура, оформленные под старину фонари, минимум рекламы, никакого броского неона, на многих дверях и окнах тускло мерцают защитные руны, в нишах на стенах домов то и дело виднеются стационарные тизастры, окутанные зловещим синим мерцанием. Однако вечерний ливень преобразил его еще сильнее — казалось, путники перенеслись из двадцать третьего века в какую-то из минувших эпох.

Довершал готическую атмосферу спутник-вампир. Адвокат рассказывал о предстоящей встрече:

— Собственно говоря, это предложение работы с предоставлением жилья, еды и еще кое-чего... Не могу сказать сразу, пока ты не согласишься. Впрочем, полагаю, твое согласие — вопрос времени, это всяко интереснее, чем муштра новобранцев, о которой ты тогда стонал. Кроме того, ты подходишь по всем параметрам...

Синохари молча внимал. Семен, глянув на угрюмое лицо чародея, хмыкнул и замолчал, подставляя лицо дождю.

Местом встречи оказался ресторан — небольшой, но весьма дорогой и престижный. Спутники поднялись на второй этаж, к VIP-столикам. Царил неожиданно уютный полумрак, за окнами лил дождь, немногочисленные посетители отдавали должное атмосфере. Она стояла того — продуманно расставленные дубовые столы; тихая, на грани слышимости, музыка, сливающаяся с дождем; отсутствие назойливого столпотворения людей...

За тем столиком, на который указал Семен, сидел самый странный и равнодушный человек, какого Александр видел за всю свою жизнь. «Человек» усмехнулся и представился:
— Уррглаах.

*Марс, планета в составе республики Истинная Земля.
Купол Земной Атмосферы
Четвертое марта 2271 года по земному летоисчислению*

Макс Аневич-Эндриксон, бывший директор исследовательского центра ИЦМАЭ, сидел у себя дома, в небольшой квартирке. После недавнего происшествия на презентации своего изобретения он оставил директором в центре старшего помощника в обмен на несколько процентов от прибыли ежемесячно, а сам ушел, попутно сменив роскошный пентхаус в центре на пару крохотных каморок на окраине — не хотел, чтобы случайные встречи со знакомыми напоминали о пережитом позоре.

Баснословное состояние отца по-прежнему принадлежало ему, но на себя он его не тратил — ну если не считать неизбежных расходов на пропитание. Макс принялся воплощать в жизнь одну старую задумку, и все средства выделялись именно на нее. Необходимое оборудование было почти готово — хотя готовил его все тот же Зиктейр. Теперь оставалось только отыскать надежных людей... или хотя бы надежных нелюдей.

«Лишь бы Зиктейр не облажался, как тогда...», — подумал Макс и непроизвольно скривился. Еще бы! Хоть бы предупредил он, что заменил часть важных нанороботов на несколько более дешевых и менее надежных. Сэкономил, понимаете ли... Понятно теперь, почему Зиктейр так волновался. Он ведь демонстрировал!

В итоге сенсационная разработка — защитное силовое поле революционной конструкции, не несущее ни грана магии — с треском провалилась на презентации. Хорошо еще, что оно смогло значительно ослабить урон, прежде чем полностью исчезнуть. А ведь оно могло бы не распасться, а, скажем, прохудиться... Гремлину пришел бы конец.

Другие мысли Макса были еще хуже. Мысли о том, что после такого многие перестали его уважать. О том, что из-за этой оплошности сорвалось несколько миллионных контрактов. И о своем разговоре с Зиктейром после презентации.

«Ты у меня всю жизнь свою экономию отрабатывать будешь!» — аффективно орал Макс на гремлина и, закатав рукава, наступал на ушастого техника. Тот лишь забился в угол и

попискивал что-то оправдательное на кобллинах — наречии гоблинов. Но до драки не дошло — ученого удалось успокоить особым коктейлем на основе валерианы с добавлением ряда других седативов и небольшим количеством нашатырного спирта.

Так гремлины избежали физической расправы, но едва ли ему было от этого легче. За преступную оплошность Аневич-Эндриксон перевел его в условия совершенно кабальные. Техник оставлял ИЦМАЭ, переходя в подчинение непосредственно Аневичу-Эндриксону, и обязался работать за половинную плату и ни на чем не экономя.

Неприятные размышления, заглушить которые не сумела даже пара выпитых с горя рюмок, прервал звонок в дверь. Макс чрезвычайно удивился. Он не просто никого не ждал — вообще некому было ему звонить. Будь это кто-нибудь из коллег, он предупредил бы заранее. Исследователь покинул кресло и, проигнорировав монитор видеонаблюдения, отпер дверь. За порогом обнаружилась неизвестная личность — рыжеволосый мужчина с прямым носом. В знакомых ученого субъект явно не числился, но вместе с тем лицо его было смутно узнаваемым.

— Здравствуйте, — произнес незнакомец. — Максимилиан Аневич-Эндриксон?

— Да, — признал тот, пытаясь сообразить, где мог видеть эту особу.

— Вот вы-то мне и нужны, — с некоторым удовлетворением кивнул рыжеволосый.

— Кто вы? — не выдержал наконец Макс.

— Вы могли видеть меня на презентации...

Ученый задумался. И вспомнил наконец того субъекта, который сидел с гоблинами.

— Вы дракон? — спросил Макс нежданного гостя.

— Да, — ровным голосом подтвердил тот. — Только не стоит спрашивать так в лоб.

— Почему?

— А если собеседник захочет ответить в лоб? Причем не фигурально, а буквально?

— Извините, но, как я думаю, если вы сразу на меня не напали, то и не будете нападать, — резонно пожал плечами ученый. — Зачем-то ведь вы пришли?

Дракон неожиданно улыбнулся и столь же неожиданно перешел на «ты»:

— Да, это ты верно подметил. Могу я зайти?

— Конечно.

Дракон вошел в квартиру и бесцеремонно уселся в одинокое кресло. Ученый только крякнул от такой наглости, но ничего не сказал.

— Я верю, что твоя защитная сфера сломалась из-за халатности техников, — сразу взял быка за рога ящер. — Это правда?

Макс выдержал паузу и кивнул. Дракон пристально взгляделся в его лицо.

— Не врешь... — сказал он с некоторым удивлением и откинулся на спинку кресла, попутно вытягивая из кармана сигару. Ящер прищелкнул пальцами, зажигая ее, и по квартире заструился синеватый с прозеленью дым, разносящий резкий запах.

Аневич-Эндриксон поморщился:

— Я не курю. Уберите, пожалуйста, вашу... дымилку.

Дракон молча уставился Максy в глаза. Тот внутренне содрогнулся — в холодном изучающем взгляде не было почти ничего человеческого. Подобный взгляд могла бы разглядеть амеба по ту сторону микроскопа. Со дна змеиных глаз на ученого глядел опыт многих веков и непостижимая эволюционная разница. Тем не менее Аневич-Эндриксон принял вызов и не отвел взгляда, не мигая уставившись в вытянувшиеся щели зрачков — благо стандартная модификация зрения, пройденная еще в школе, позволяла выдерживать чертовски длительную игру в гляделки. Несколько минут прошло в молчании, после чего незванный гость затушил и убрал сигару.

— Да, ты мне положительно нравишься, — скупое усмехнулся ящер, после чего снова стал серьезным. — Ладно, перейдем к делу. Эта вещичка меня крайне заинтересовала, и я пришел с деловым предложением. Неполадка ведь уже устранена, верно?

Ученый кивнул.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал дракон. — Я намерен приобрести экземпляр этой самой волшебной татуировки.

— Сколько? — спросил Макс, роясь в ящике стола. Когда ящер открыл рот, чтобы назвать сумму, Аневич-Эндриксон закончил свой вопрос: — Сколько вы *хотели* мне заплатить?

Дракон с некоторым удивлением приподнял брови. Макс, краснея и распахиваясь, продолжал:

— Если вы пришли сюда требовать поле — кстати, оно не волшебное, — то у вас должна быть какая-то сумма. Люди за деньги все отдадут, да? Все, что захотите, сэр, хоть почку, хоть

дочку, только отвалите кучу денег, да?! Забирайте эту штуку, ничего мне не надо! — крикнул Макс и швырнул в дракона причудливого вида татуировочный шприц.

Тот ловко этот шприц поймал, хмуρο и жестко посмотрел на ученого и снова перешел на «вы»:

— Успокойтесь, Максимилиан. Взрослый ведь человек, а ведете себя как вековой... прошу прощения, пятилетний ребенок.

Аневич-Эндриксон начал успокаиваться, но дышал он, словно пробежал марафонскую дистанцию.

— Извините. Я не хотел, — наконец вымолвил он. — Но денег все равно не прошу.

«Хотел, еще как хотел», — саркастически подумал дракон, но вслух сказал следующее:

— А чего же тогда вы хотите?

— Одну услугу.

— И какую же? — спросил дракон, снова приподняв бровь.

Макс ведь прекрасно знал, что эта штука ему нужна столь же сильно, как костыли бегуну. Драконы обладают невероятным колдовским могуществом, а если попадут в изолированное от магии пространство, то попросту умрут — от такого никакая физическая защита не спасет. Оставалось только удивляться, зачем он пришел за подобной безделушкой, да еще и позволяет человеку торговаться. Единственное обоснование поведению ящера, которое мог выдвинуть ученый, — это любопытство. Он не раз слышал, что для этих феноменальных долгожителей не было врага страшнее, чем скука. Видимо, «безделушка» сильно заинтересовала гостя.

— Мне нужны люди... или нелюди, все равно, — начал объяснять Аневич-Эндриксон. — Надежные, которым можно доверять. Разноплановые специалисты, гениальные или хотя бы хорошие в своей работе. А самое главное — чтобы они могли бороться с несправедливостью и преступностью. Оборудование, еду и зарплату поставлять буду я.

Дракон прищурился, явно что-то прикидывая в уме, и хмыкнул:

— Амбициозный проект...

— Но вы мне поможете? — перебил его Макс.

— Отчего же не помочь... Помогу. Но только с еще одним условием.

— Да? — забеспокоился Аневич-Эндриксон. — С каким?

— Ты примешь меня к себе на работу.

Хочу от всей души поблагодарить следующих людей, без которых эта книга никогда не обрела бы нынешний облик:

Пожелавшего остаться неизвестным — за все то, что сделано много лет назад, за персонажей и события. Ты отказался от звания соавтора — да будет так. Не знаю, попадет ли эта книга тебе в руки, но не упомянуть тебя не могу.

Анастасию Ходыреву — за неиссякаемый оптимизм, с которым ты выносила наши перепалки и следила за ходом дел.

Всех тех, кто участвовал в том приснопамятном мозговом штурме, что натолкнул меня на мысль.

Механика, администратора «Андивионского Научного Альянса», — за рациональное безумие.

Дмитрия Шатилова — за то, что неустанно напоминал, что я могу лучше.